

Наталия Александровна Ганина –

доктор филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова, автор книг «Готская языческая лексика», «Немецкие средневековые рукописи и фрагменты из "Коллекции документов Густава Шмидта" в собрании Научной библиотеки Московского университета» (в соавторстве), «Крымско-готский язык», коллективных монографий и научных статей, а также сборника стихов «Родное пепелище»

Крымская Византия

Путевые впечатления

Ливадия

Некогда это место звалось
Панас-Чаир – «Священный луг».

С экскурсией... на три вдоха... пусть так.

Первый этаж дворца – под железной пятой Ялтинской конференции. Лишь вензель Государя, трижды врезанный в верх мраморного камина бильярдной, пресекает – отсекает.

Покои второго этажа, где *не было* Ялтинской конференции. Уцелели сами пространства и часть отделки (камин, деревянные панели) – да еще беккеровский рояль Государыни. Ее руки касались этих клавиш – но рояль грубо, по-санаторски перекрашен (был черный, сейчас белый – или, точнее, бледный), и люди вплотную обступают его, кажется, даже облакачиваются. – Обломки, осколки...

И вдруг по всем верхним покоем – глубокий глухой звон часов. Этого голоса здесь никто не ждал. Бой часов всегда торжествен и внезапен – сама торжественность и внезапность – но здесь... Негромкий, но властный – все останавливающий и восстанавливающий. «Глагол времен» – да, но в таком безвременье...

Холод, холод – не те вещи, не тот воздух, шарканье музейных тапочек, фотографии во льду, иконы с лампадкой в одном из углов – Феодоровская литографией, остальные на дереве – над Библией за какой-то стеклянной выгородкой... и странный, невероятный этот звук *оттуда* – единственный уцелевший.

...нет, с боем часов никто не явился, и покои не преобразились – но все на миг расступилось, отслоилось...

Колодец в уголке двора: стена, розы, каменный многогранник, инициал Го-

Колодец в уголке двора: стена, розы, каменный многогранник, инициал Государя – а сверху скалится каменное чудище.

Странный железный стержень с цепями и остриями над кругом колодца не украшает, а угрожает. – Указует.

сударя — а сверху скалится каменное чудище. Химера от Потоцких? Да, но теперь все видится иначе, и странный железный стержень с цепями и остриями над кругом колодца не украшает, а угрожает. — Указует.

Белая звонница с куполком, похожая на часовню.

Деревянный крест над всей ливадийской белизной и узорностью — крест, обозначающий воздвигаемую главку Крестовоздвиженской дворцовой церкви. — Да, так все и есть: сияющее белое, узорное черное (чугун фонарей и решеток), розы у стен и по стенам — и грубый, точно с екатеринбургской дороги, крест.

Дворцовая церковь после всего *ливадийского отсутствия* — точно верхний лазурный киево-печерский храм после всех пещер. — Небо.

Белая дверь, мозаика над входом: Святой Архангел Михаил. Поясное изображение, золотой фон. Надписание (под титлом):

А Г
Г Д
Л Н
Ь Б

Синий, яркий, пестрозвездный свод; ряд белых коринфских — византийских — колонн поперек

Белая дверь, мозаика над входом: Святой Архангел Михаил. Поясное изображение, золотой фон.

храма; свет из отверстия в своде (там, где снаружи крест) — указанием и обетованием.

Только через боль (ужас *колодца*, деревянный крест) — но как светит, как зовет...

Ангелы и святые на своде. Преподобный Серафим (большая икона — «картина») справа от входа. Образа на аналое: Воскресения Христова, Воздвижения Креста (храмовый) и Святого Царя-Мученика. Белые узорные Царские Врата.

Фотографии, дневники и вещи Царской Семьи «все это время» хранились именно в закрытой дворцовой церкви.

Есть во дворце фотография молодых Государя и Государыни с Их подписями: «Папа — Мама — Ц[арское] С[ело] — 1917». Это Их подарок Великой Княжне Ольге на день Ее рождения в 1917 году: фотография, запечатлевшая их в год Ее рождения.

Архитектор Краснов покрыл Ливадийский дворец «вечным» составом, совершенно сохраняющим белизну от пыли и непогоды.

Нежная тишина, свет, растворяющий – вбирающий огоньки свечей. Единственное во всей Ливадии место покоя.

В конце 90-х дворец мог рухнуть: ему угрожал оползень, который удалось остановить в 1999 году.

Снова в церкви (одиноким поход несколько дней спустя). Нежная тишина, свет, растворяющий – вбирающий огоньки свечей. Единственное во всей Ливадии место покоя.

И всегда чувство, что за Царскими Вратами решаются судьбы мира.

Образ: «Снятие пятой печати».

Парк: прохожу по ступеням под арками перголы и попадаю... в сырой заброшенный овраг с осыпями и кучами (а надобно знать, что во всех крымских парках очень чисто: любовно метут, тщательно следят). Провал. Выбираюсь, наконец: сосновая роща, красные стволы, под ногами сухая золотая хвоя, по веткам две белки играют – порхают.

В Воронцовском дворце сохранилось все (на наш взгляд; а если не все, то каким же было *все?*). В Ливадии – ничего.

Когда во дворце били часы, кто-то из очередной группы нарочитым голосом: «При-израки»... – Мальчишка. – А я вот подумала (потом; тогда просто отсекала): это с какой стороны глядеть... Это «группы» здесь призраки, а не Те. Царская Семья в Ливадии – всегда и навсегда, Они Своих вещей отсюда *не* забирали, *не* вывозили, так все и осталось с 1914 года. Царская Семья в Ливадии – всегда и навсегда, Они Своих вещей отсюда *не* забирали, *не* вывозили, так все и осталось с 1914 года. И дата эта – 1914 – на одном из белых фронтонов, черным по белому, а рядом – черно-рдяный многогранный фонарь. А прочие (прочее) – Сталин, Рузвельт, Черчилль, «группы» – призраки в Их доме.

А в храме (белом и лазурном Крестовоздвиженском) – не призраки. И все, которые идут в этот дворец как в Их дом...

12/25 мая 2002

Крымское

Утро Горного Крыма.

Горы: складчатые, гребнистые, столовые, круглые, вздыбленные. Там, где утесы сплошным окаменелым восклицательным знаком, — стройная руина: арка, часть стены. И следом, в отвесной темно-серой, хмурой скале, скальной стене — пещерный монастырь Инкерманский. Невысокий бело-золотой храм — замком и ключом ко всей скале.

Из открытого окна поезда глядим и крестимся. Минуем это, и: окно в скале! Цветное, узорное (главный рисунок — крест), высокое. Весь давний дивный Восток от Грузии до Каппадокии, от Эдессы до Палестины.

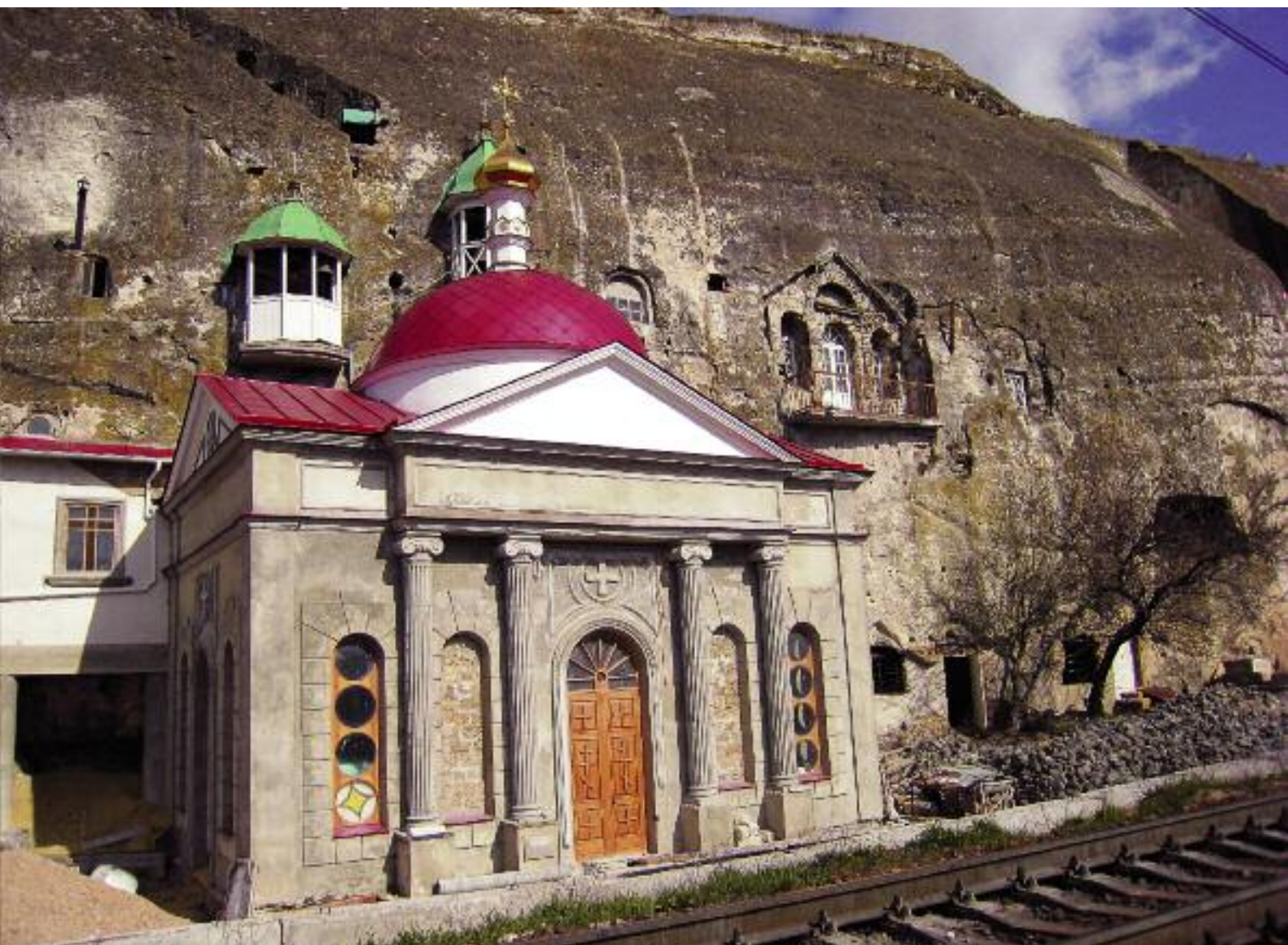
Высоты и долины: по выпуклостям и впадинам, по зелени и камню — тени облаков и просветы. Облака — низкие (нижние), светлые, клочковатые — неслись с моря.

Царская Семья в Ливадии — всегда и навсегда, Они Своих вещей отсюда не забирали, не вывозили, так все и осталось с 1914 года.

Все в маках. Вблизи они горят нестерпимо, вдали еле тлеют: тусклые, матовые, едва красные полосы по полям и склонам.

Едва коснувшись этой земли, все становится древностью: забытый бетонный отвес — мегалитом, обломок гипса — мрамором, хибара нынешняя — хибарой незапамятной... Все затягивает, как илом, этой вне- и довременностью.

Проезжая под какой-то безвестной вершиной: Афон. — И за поворотом, на скале, высящейся у подножья гряды единым огромным камнем, — победоносно реющий храм. (Первое видение Форосской церкви).

В отвесной темно-серой, хмурой скале, скальной стене – пещерный монастырь Инкерманский. Невысокий бело-золотой храм – замком и ключом ко всей скале.

Горы – для подвига, море – для подвига. Какое? Найдется, была бы воля.

Здесь края – трагические: вздыбленная земля, жилистые деревья, изо всех сил тянущиеся травы, орлиные крылья гор. Трагедия в прозрачной рамке уюта (греческого, татарско-турского, державно-русского).

«Южный берег Крыма»: разумеется, удобнее считать это декорацией.

Хмурые каменные вазы бывшего поместья.

Крым 30-х годов (не пушкинских!): отдельная страшная тема – ветка (до сердцевины черная).

...Белокурая, ясноглазая, губы сердечком, белый ворот кофточки, белая юбочка с пояском, белые носочки-туфельки, за спиной белая ваза, в правом верхнем или левом нижнем углу снимка белая витиеватая надпись: «Кореиз 1935». — Машинистка НКВД, санаторий НКВД, Южный берег НКВД...

«Они ныряют над могилами...» — о, этим еще мало сказано...

«Горька морей трава —

Ложноволосая — и пахнет долгой ложью...»

(Издевки здесь нет — одна боль.)

Крым и англичане — роковое схождение. Ядра и пули Крымской войны — сэр Уинстон Черчилль, пожелавший прихватить на память Спящего льва из Воронцовского дворца и между прочим заметивший, что кипарис-де — траурное дерево, уместное лишь на кладбище. Про льва, по легенде, игриво бросил Сталину: «А он Вам никого не напоминает?» (Иначе говоря: «Может ли лев быть небританским?») Ответа не

последовало. А насчет кипарисов Сталин встретился — и пошли по Крыму рубить деревья, порайонно-побатальонно рапортуя об успехах... дело, однако, как-то заглохло...

И: конечно же! «Прихватить на память» (под негласным, безмолвным, но вполне внятным девизом: «Тащи бесхозное!») — это же лорд Эльджин и Эллада.

«Крым и англичане» — наложение двух линий: «Россия и англичане» и «Греция и англичане». Рок в квадрате.

На обратном пути из Ливадии — вид на серебристо-серый, низкий, ушедший в зелень и землю Дюльбер: «восточные» куполки и башенки за спиной громадного санаторского корпуса. Великий Князь, строивший Дюльбер, воздвигал твердыню: где она?

Серебристо-серый — быть может, как линкор «Мальборо», увозивший отсюда Императрицу Марию Феодоровну и Великого Князя Николая Николаевича...

Навсегда покинутый Дюльбер.

Крым и англичане — роковое схождение. Ядра и пули Крымской войны — сэр Уинстон Черчилль, пожелавший прихватить на память Спящего льва из Воронцовского дворца и между прочим заметивший, что кипарис-де — траурное дерево, уместное лишь на кладбище.

Если смотреть с горы, то Дюльбер слева, а справа — темно-серый мрачный Кореиз: очередное юсуповское гнездо. Итальянское палаццо, у входа венецианские львы (говорят: мне-то туда не захотелось).

А еще говорят, что там была дача НКВД, где Дзержинский в подвале упражнялся в стрельбе. — Юсуповские подвалы... Из-за них же дачу выбрал в 45-м году Сталин: единственное бомбоубежище на весь берег. — Юсуповские подземелья...

Другое имение Юсуповых, горное, звалось Коккозы. «Кок-коз» — «Голубой глаз», и глаз этот, говорят, красовался повсюду, отовсюду глядел (фонтан, убранство дома). По мусульман-

Снаружи – белое видение на скале – на «Красном камне» (теперь и впрямь обгаженном); внутри – возвращенная Византия, то есть Византия после турок.

скому обычаю – «от сглаза». — Сохранился один фонтан. — В начале войны в Коккозах обосновалось севастопольское отделение гестапо. — По хозяину и гости.

Звуки новые дальше, глуше...
Вновь раскрыты Крыма ларцы.
Выступают на миг — и глубже
В свою зелень уходят дворцы.

Воскресенская Форосская церковь построена купцом Кузнецовым в память спасения Императора Александра III в Борках; освящена в 1892 году в присутствии Константина Петровича Победоносцева; в 20-е годы закрыта и осквернена; восстановлена в конце 80-х — начале 90-х (народная ремарка: «Спасибо Раи-

се Максимовне» — именно так; Горбачева не поминают). «Чай Кузнецова»; на марке — Форосская церковь. Только ли этикетка? Задумываюсь.

Первый настоятель — молодой севастопольский иеромонах, впоследствии архимандрит, о. Петр (Посаднев), чьими трудами вновь подымался храм, убит на второй день праздника Преображения Господня в 1997 году (убийцы, одного из которых о. Петр некогда приютил в сторожке и вывел в люди, думали ограбить храм).

Снаружи — белое видение на скале — на «Красном камне» (теперь и впрямь *обгаженным*); внутри — возвращенная Византия, то есть Византия после турок. Коринфские — византийские, благородного камня — серого с темными прожилками мрамора — колонны исцарапаны, изглоданы; впрочем, камень оказался слишком тверд, и имена осквернителей не прописаны. Станным образом кому-то из них вздумалось изобразить *якорь*, и он виден отчетливо. — Дай-то Бог, что-

Центром Херсонеса стал белый храм Святого Владимира (прежде была базилика – «Шесть колонн»). Теперь все сходится и стягивается к нему.

бы потом это не сочли делом рук местного или захожего народа православного; впрочем, не верится что-то в грядущих археологов — как говорят немцы, *die Zeit ist knapp* («времени в обрез»), буквально: «время в обрез»).

Уцелевшая мозаика пола. По ней и по колоннам — алые, золотые прозрачные пятна — свет сквозь новые цветные стекла узких окон.

Резной деревянный иконостас — слово о. Петра о нем: «Иконостас будет, а меня не будет» (устанавливали — радовался, трогал гладкое смуглое дерево, да вдруг и сказал...).

Ему был 31 год; не остался он служить в севастопольских храмах, а пошел на Красный камень, в разрушенный храм. Память его здесь трепетно чтят, и был он, видно, из *невозможных* (твердые и ясные черты, живой взгляд — не сравнивая, я отчего-то вспомнила Петра Георгиевича Паламарчука, писателя и историка Москвы).

Ясное воскресное утро; многие пришли в храм заранее, потому что шли, «как Бог даст». Внесли и расставили всюду (у икон, а возле порога — у портрета о. Петра) розовый лохматый шалфей (кругом в горах цветет). — Слишком крепко пахнет: вынесли; сейчас других цветов принесут.

Державная икона Божией Матери справа, у окна. И здесь фон светлый, как в Оптиной. Образ Святителя Николая с огромными — грустными и строгими, тихо вопрошающими — очами, скорбно изогнутыми бровями.

Горы слева и справа, море (моря!) — слева и справа.

Неделя о слепом.

«Тут все любят венчаться — и наши, и приезжие». — Все любят венчаться...
Гора Фавор и Гора Елеонская.

14/27 мая 2002

Херсонес

Херсонес, бережок, полдень...

Центром Херсонеса стал белый храм Святого Владимира (прежде была базилика — «Шесть колонн»). Теперь все сходится и стягивается к нему.

Внутри храма прохладно, обширно и бедно (иконами и утварью). Не ввысь, а вширь (и, должно быть, вглубь). — Пространно.

Маки в развалинах, в углах чьих-то домов, куда я входила (быть может, через окна?). Лабиринты руин.

Город мертвых и храм живых.

Поднявшись на холм, никак не обозначаемый на плане, но являющий собою главную обзорную точку всей береговой линии Херсонеса (здесь не могло не быть какой-то башни), обратясь лицом к морю, я увидела слева по берегу башню Зенона, а справа — смиренные вечные узоры развалин и белый дозирующий храм.

На этот холм, полный черепков и ракушек, я всходила семнадцать лет назад (с моря, от Зеноновой башни).

Здесь берег — слоеный пирог.

Срезанные временем дома.

Вросший в сухую землю обломок — пенек колонны, белый — если можно так сказать, темно-белый — так и не посеревший мрамор. Берусь: прочно ли стоит? — Совершенно неколебимо. — Гляжу с восхищением: похвальный пример.

Древность? вечность? — *Извечность*.

Базилика: по выгибу стены признаю алтарь. Так значит, этот вот квадрат, этот выступ над каменным полом... Был? Есть? Подхожу (ибо уже стою рядом), в память прежнего припадаю (склоняюсь — почти ложусь возле), кладу руку на край. Теплые, прогретые солнцем камни (плинфа вперемешку с серыми) и — было то в камне или в руке — слышался мне какой-то внутренний гул: не отзвук, а ток. — Быль.

А Херсонес — центр (сердце) Севастополя. — Здесь (и, быть может, всего Крыма) Кремль.

Теперь с моря виден Крест (кресты на главах и стенах Херсонесского храма). Хочется сказать: теперь сюда снова могут причаливать византийские корабли.

Семнадцать лет назад я многого не видела — не умела читать этой книги: знак Имени Христового над дверью базилики, в мраморе ее, рыбы и крест на плите купели... но книгу саму любила.

Знаменитые «Шесть колонн» — не «Античность», а VI век по Рождестве Христовом: руины храма — да, но не языческого, а христианского — византийского, и они белому собору не противостоят, а радуются. «Он — мы».

2/15 июня 2002

Второму Риму

Византия, отзовись, Византия, —
Всех стройнее, наряднее — где ж ты?
Многостолпные палаты золотые,
Василевса пурпурные одежды,

Кораблей великолепная стая...
Где Царьград твой — око вселенной,
Где зеница — София Святая,
Перед Богом яхонт драгоценный...

Как сквозь толщу: «Кирие элейсон»*...
Как из глуби морской — свеча с амвона...
Взял огонь, расклевало железо,
Поглотили тебя тёмные волны.

Говорят, была лстива, лукава...
Что растленно было, то истлело.
Обветшала твоя пышная слава,
Кривда минула, правда уцелела —

И — не басня то, не выдумка, не сон нам —
Византия, Жар-птица Византия,
В малом храме, снегами занесённом,
Твои крылья плещут золотые.

Первый день Рождества 1992/1993

1453

Надменный рыцарь на скалистой круче,
Глядящий вдаль, где вал огня высокий...
Светило закатилось на Востоке.

Тяжёлым багрецом того заката
Миланские доспехи заблистали
И меч двуручный золингенской стали.

* «Господи, помилуй», древнегреч.

Ужели золингенские волчата
Орлу чужому бросятся на помощь?
Ты помнишь ли, Европа... нет, не помнишь.

Черты, как изо льда, взор — чистой стали,
Холодный ветер треплет плащ твой белый...
И вновь тебе невняты наши беды.

14/27 июля 1993

Купол мгlistый, Святая София!
Вековечный, многоочитый!
Как войти в приделы пустые?
Как ступить на гулкие плиты?

Недвижимо воздушное море,
Окна-очи глядят незряче.
О, как много простора для горя,
Как раскрыты выси для плача!

Что здесь: «Радуйся» или «Здравствуй» —
Что и молвить — к тому ж при страже...
Пусть другие дивятся убранству,
Письменам-ятаганам — я же,

В пустоте твоего разора
Не бывав, не бродив — не вправе, —
Слышу отзвук далекого хора,
Вижу всё, как тогда: во славе, —

Ты-то знаешь. Лелея сон свой,
Ввысь и вглубь, в пределы иные
Ты глядишь, закатное солнце,
Купол света, Святая София. ☸

11/24 января 2000